Трибуна молодого ученого

Эсенбулатова Маргарита Саидбековна,
аспирантка кафедры «Теория и история
государства и права» Российского
государственного социального университета,
Москва (E-mail: factum.non.fabula@gmail.com)

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ И ДО ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: статья посвящена рассмотрению государственно-конфессиональных отношений в России начала прошлого века, сложностям и недопониманию между властью и религиозными организациями. Начало Первой мировой войны, Октябрьская революция и дальнейшее создание Советского Союза внесли свои коррективы в государственно-конфессиональные отношения тех лет. Ситуация, сложившаяся в период смены государственного строя в России, нашла своё отражение во всех сферах общественной жизни, выразившись в том числе и через законодательство того времени, касающегося религиозных объединений. В статье рассматриваются события и документы, ставшие основополагающими в становлении государственно-конфессиональных отношений длительного периода от становления до распада Советского Союза, включающие в себя и период абсолютной неприемлемости друг для друга, и недолгие циклы взаимодействия на фоне борьбы с общим врагом.
Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, религия и право, свобода совести, советское государство, религиозные объединения, история правоотношений государства и религиозных организаций.

После распада Советского Союза российское общество постепенно привыкает к мысли о свободе совести. Каждый может добровольно выбрать приоритетную для себя религию или же полностью отказаться от принадлежности к какой-либо форме вероисповедания в силу своих собственных, основанных на жизненном опыте убеждений. Но несмотря на то что сложившаяся правовая ситуация предполагает широкие возможности для совершения собственного выбора, нельзя не заметить вспыхивающие время от времени дебаты, посвященные

теме недостаточной свободы или даже притеснения в выборе той или иной конфессии.

К.Г. Каневский, ссылаясь на ст. 2 Конституции РФ (в соответствии с которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью), рассматривает государственно-конфессиональные отношения как совокупность двух блоков общественных отношений, касающихся коллективных и индивидуальных форм реализации права на свободу совести [1].

Следует отметить, что под государственно-конфессиональными правоотношениями в России также понимают совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм правовых взаимоотношений между государственными и муниципальными органами, организациями, учреждениями, предприятиями, с одной стороны, и религиозными объединениями, отдельными верующими, с другой стороны [2].

Не ставя своей целью рассмотрение сложившейся в современности ситуации, можно, однако, провести интересные параллели, анализируя правовое положение различных конфессий по их состоянию вековой давности, когда законодательство, касающееся религиозных объединений, разительно отличалось от того, что мы можем видеть в наше время.

Если говорить о конфессиях и их правовом положении в Российской империи, можно с первого взгляда отметить различия в положении религиозных объединений как социальных институтов: православие, являясь государственной религией, обладало преимущественными правами перед иными конфессиями, что недвусмысленно подкреплялось законодательством рассматриваемого периода. Особенно интересным на фоне современной правовой ситуации выглядит ряд запретов, касающихся перехода из одного вероисповедания в другое. Если в современном российском законодательстве каждый гражданин имеет право самостоятельно определять свою религиозную принадлежность, при желании беспрепятственно меняя её на протяжении всей своей жизни, то в начале XX столетия подобное непостоянство было гораздо сложнее осуществимым. Например, переход из одной религиозной

конфессии в другую внутри христианского учения был возможен, хотя и сопряжен с определенными трудностями, а переход из православия в иную конфессию, и тем более – в иную веру, считался нелегальным [3]. Переход же из иной религии или иной христианской конфессии в православие всячески поощрялся и приветствовался, рассматривался не только как выбор вероисповедания, но и как подтверждение причастности к культурным и общеисторическим традициям российского государства.

Объявляя православие государственной религией, государство законодательно укрепляло её положение, указывая на определенные привилегии, нашедшие отражение в законодательстве того времени. Так, в «Своде законов Российской Империи», принятом в 1832 году, в 9 томе целый раздел посвящался духовенству, в котором излагались особенности правового положения «духовенства православного, римско-католического, протестантского, армяно-грегорианского и армяно-католического» [4]. Несколькими томами после, отдельно подчеркивалось, что только православная церковь имела право проповедовать на территории Российской империи с целью распространении своего учения по всему государству и приобщения к православию как можно большего количества верующих. Представители же других религиозных течений не имели права подвергать сомнению чужие убеждения и склонять к своей вере окружающих под страхом различных взысканий, установленных в законах [4]. Считалось, что попытки проповедования иной, кроме православной веры, религии несли собой не столько религиозный, сколько политический и общекультурный характер, что могло рассматриваться как подстрекательство к предательству общероссийских ценностей и традиций. Как православие тесно связывалось со славянской самобытностью, так мусульманство и, например, католицизм – не менее тесно соотносились с определенными этносами западной и восточной культур. Ограничение правовыми методами распространения иной религии на территории России было, таким образом, связано не только и не столько с опасениями чисто духовного плана, сколько с определенной политической линией, не подразумевавшей возможности ассимиляции. В своей

свободе выбора вероисповедания был ограничен и сам император: в соответствии со «Сводом законов Российской империи» он не мог исповедовать никакой иной веры, кроме православной [4].

Постепенно можно заметить тенденцию к изменению сложившейся ситуации – «Указ об укреплении начал веротерпимости» 1905 года, провозглашал свободную возможность для любого желающего перейти в иное христианское вероисповедание или вероучение, отдельно оговаривая при этом отсутствие каких-либо негативных последствий в отношении его личных или гражданских прав [5].

Начало Первой мировой войны, Октябрьская революция и дальнейшее создание Советского Союза внесли свои коррективы в государственно-конфессиональные отношения тех лет. Интересно отметить, что после прихода коммунистов к власти, многие религиозные объединения посчитали это шагом к улучшению их положения, надеясь занять более значимое место в образовывающейся стране, сместив православие с исконных позиций. Одним из первых документов, подчеркнувших широту открывающихся перед различными конфессиями возможностей, можно назвать декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 года, провозгласивший возможность исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, а также обучать и обучаться религии частным образом [6]. Этот же декрет не допускал преподавания религиозных учений в учебных заведениях, преподающих общеобразовательные предметы, но так как раньше возможность данного преподавания была, по сути, только у православной церкви, представители других конфессий от подобного запрета ничего не теряли, приняв его, напротив, как элемент уравнивания в правах и возможность пошатнуть главенствующее положение бывшей государственной религии.

Однако сколько-нибудь значимых успехов иные конфессии добиться не успели – политика в области религии лишь ужесточалась с течением времени, начиная с вышеупомянутого декрета, среди прочего лишившего религиозные объединения права свободно владеть и распоряжаться собственностью. Видя в православной церкви поборников уходящей эпохи, коммунисты

начали вести достаточно агрессивную политику в её отношении, стараясь как можно быстрее уменьшить авторитет священнослужителей среди народонаселения, несмотря на то, что уже в октябре 1919 года патриарх Тихон обратился к духовенству, предостерегая их от возможных политических высказываний, тем самым подчеркнув непричастность церкви к каким-либо политическим течениям того времени [7]. Даже предшествующие послания Патриарха, временами весьма резкие по форме и наполненные скорбью и возмущением, были направлены в первую очередь против творящих кровавые расправы и жестокости революционеров, и не содержали в себе ни конкретных политических оценок установившейся власти, ни однозначных призывов к её свержению [8]. Нельзя сказать, что послание Патриарха смягчило политику новой власти в отношении церкви. Продолжая, с одной стороны, притеснять религиозные объединения, лишая значимости их деятельность, с другой, государство начало поддерживать группу священников, открыто выступивших в поддержку новой власти – тех, кого впоследствии назовут «обновленцами». Но даже эта политика минимальной поддержки отдельных групп вскоре сошла на нет, и уже с 1926 года лидеры обновленцев начали подвергаться гонениям, что, в результате, привело к закономерному исходу — закрытию в 1946 году последнего из их приходов [3].

Послание митрополита Сергия, получившее название «Декларации 1927 года», стало еще одной попыткой, еще одним шагом к стабилизации положения церкви. Состоящая из сдержанных и выверенных фраз, декларация осторожно утверждала место церкви в новом государстве. Послание ни единым словом не укоряло революционеров – напротив, в нём выражалась надежда на деле доказать, что духовенство в полной мере осознает необходимость дальнейшего сотрудничества, и преисполнено стремлением перейти, наконец, из образа врагов в статус потенциальных друзей новой власти. Также митрополит Сергий призывал верующих больше думать о вере, чем о своих политических симпатиях, говоря о необходимости проявления лояльности к установившемуся строю [9]. Многие восприняли слова митрополита негативно, отвергая возможность мирного

существования в государстве, провозгласившем своей идеологией атеизм.

Политика митрополита Сергия вызвала волнения и неприятие и у многих представителей духовенства, отказавшихся ей следовать. Анализируя Декларацию 1927 года с исторической точки зрения, можно понять действия митрополита, стремившегося обезопасить церковь от дальнейшего произвола, и не допустить её ухода в подполье, за границы установившегося законодательства. Однако столь ярко выраженное проявление лояльности к новой власти закономерно породило раскол среди мирян и духовенства, а также привело к разрыву отношений с Русской православной церковью заграницей, вышедшей из административного подчинения Московского патриархата.

Спорная политика митрополита Сергия, направленная на установление мирного существование церкви в Советском Союзе, не помешала властям внести в 1929 году знаковые изменения в Конституцию РСФСР: «свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды», провозглашавшаяся в ст.4 Конституции, принятой в 1925 году (подобная норма предусматривалась и в Конституции 1918 года в ст.13), теперь была изменена и представлена в следующей формулировке, звучавшей как «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды», что автоматически исключало возможность свободного распространения какого-либо религиозного учения на территории РСФСР.

Существенные перемены в государственно-конфессиональных отношениях начались только после начала Великой Отечественной войны, во время которой значение религиозных объединений на территории Советского Союза начало значительно возрастать. С первых же дней начала войны, главы основных религиозных течений обратились к народу с призывом защищать свою Родину от общего врага, отринув любые сомнения и несогласия. Едва началась война, как откликнулась Русская православная церковь: митрополит Сергий разослал по всей стране своё «Послание пастырям и пасомым Христовой православной церкви», в котором говорилось о неотделимости судьбы церкви от судьбы всего русского народа, и

провозглашалось благословение «всех православных на защиту священных границ нашей родины» [10].

15–17 мая 1942 года прошел съезд мусульманского духовенства в Уфе, в котором участвовали представители мусульман со всего Советского Союза, постановивший: «Нет ни одного правоверного, чей сын, брат или отец не дрались бы сегодня с немцами, отстаивая с оружием в руках нашу общую Родину, так же, как и нет, наверное, ни одного, кто бы в тылу не помогал делу победы своим трудом на фабриках и заводах. Ибо мы, мусульмане Советского Союза, хорошо помним слова великого Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует): «Хуббуль ватан миналь иман», что означает: «Любовь к Родине и ее защита являются одним из условий веры» [11].

Также изменению политики в отношении религиозных объединений косвенно поспособствовали фашистские захватчики. Враги, хорошо осведомленные о негативном отношении советской власти к религии, попытались сыграть на контрасте, в собственных целях разрешая открытие храмов и иных строений для отправления культа на оккупированных территориях. Правительство СССР, принимая во внимание вышеприведенную официальную позицию религиозных организаций и желая произвести благоприятное впечатление на союзников, а также препятствуя распространению фашистской пропаганды, в свою очередь смягчило политику в отношении религии: начали открываться храмы. 4 сентября 1943 года состоялась историческая встреча И.В. Сталина с иерархами Русской православной церкви, результатом которой стало возрождение патриаршества и согласие на открытие новых духовных академий и семинарий в епархиях. Когда 19 сентября 1943 г. в Москву прибыла делегация Англиканской церкви во главе с архиепископом Йоркским С. Ф. Гарбеттом, её митрополит Сергий принял уже в статусе патриарха Московского и всея Руси, что способствовало произведению благоприятного впечатления на делегатов.

Положение церкви постепенно начало улучшаться, более лояльным становилось отношение к религии в целом. Уже через месяц, в октябре 1943 года, было создано Центральное

управление мусульман в Ташкенте, подтверждающее заинтересованность власти в установлении более плотных связей с религиозными организациями, однако подобное положение продолжалось недолго: после прихода к власти Н.С. Хрущева, государственная политика по отношению к религии вновь начала ужесточаться, усилилась атеистическая пропаганда. Появились обвинения в недостаточно активной борьбе партийных организаций с религиозной идеологией, распространяемой «среди отсталых слоев населения» [12].

Рассматривая отношение государства к религии в начале XX века, можно отметить неравномерность и прерывистость складывающихся между ними правоотношений: так, проследив путь от государства с закрепленной в законе главенствующей религией до государства, построенного на атеистической идеологии, можно отметить скачкообразность в отношении проводимой властями политики. В минуты потрясений, государство, часто даже вопреки первоначальным установкам, принимало и поощряло активное участие религиозных объединений в жизни общества, пусть и не сразу, но понимая необходимость их существования для более плодотворного развития государства. Что не мешало властям впоследствии вновь усомниться в правильности подобного подхода, и повторно возвращаться к политике притеснения и преуменьшения значимости религии в государстве. Исследуя данную ситуацию в истории России, остается только надеяться, что современные государственно-конфессиональные отношения, складывающиеся в наши дни, не будут повторять уже допущенные ранее ошибки.

Список литературы:

1. Каневский К. Г. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — М., 2004. — С.7-8.

2. Петюкова О.Н. Понятие и содержание государственно-конфессиональных правоотношений // История государства и права. – 2011. — №7. – С.31-35.

3. Казьмина О.Е., Русская православная церковь и новая религиозная ситуации в России. Издательство Московского Университета, 2009. с.36, 211.

4. Свод законов Российской Империи, Т. 9, раздел 2, глава 1; Т. 11, Ч. 1. СПБ., 1896.

5. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т.XXV: 1905. Спб., 1908. с.237-238.

6. Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви // «Газета Рабочего и Крестьянского Правительства», № 15, 23.01.1918.

7. Послание Патриарха Тихона чадам Православной Российской Церкви. 1919 г. // http://www.sedmitza.ru/lib/text/440031/

8. Послание Патриарха Тихона с анафемой на революционеров, 19 января, 1918 г. // http://krotov.info/acts/20/1917_19/19180119.html — Библиотека Якова Кротова.

9. "Декларация Митрополита Сергия" Воспроизводится по публикации: Русская православная церковь и коммунистическая государство. 1917-1941. М.: 1996. с. 224-228

10.«Послание пастырям и пасомым Христовой православной церкви» местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Московского и Коломенского Сергия от 22 июня 1941 года // http://www.pravoslavie.ru/arhiv/35145.htm.

11.Мухамеджанов И.Р. Советские мусульмане в годы Великой Отечественной войны // http://islam-today.ru/istoria/sovetskie-musulmane-v-gody-velikoj-otecestvennoj-vojny/.

12.Постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 года «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» // http://www.rusoir.ru/03print/02/239/ — Российское объединение исследователей религии.